

К истории Смоленской иконы Божией Матери

© 2025

УДК 27-526.62"15"
ББК 85.14
К64

Поступила в редакцию 31.10.2025

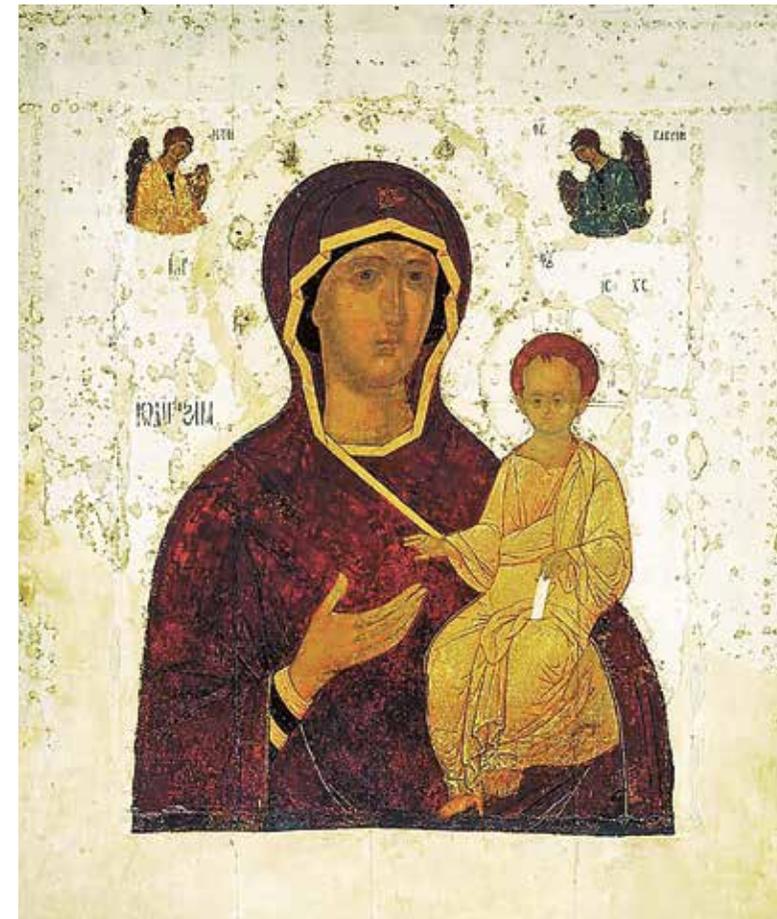
С иконой Смоленской Божией Матери — святыней обители, носящей имя «Богородице-Смоленский Новодевичий монастырь», связаны загадки, разрешить которые со всей определенностью едва ли когда-либо удастся. Первая связана с тем, что оригинал чудотворной иконы исчез накануне или в первый год Великой Отечественной войны и местонахождение его неизвестно. В результате, имея лишь списки, мы не можем судить ни о времени ее создания, ни о всех деталях ее иконографии.

Главный храм обители — в честь иконы Божией Матери «Одигитрия» — был построен в 1525 г. Икону Смоленской Божией Матери торжественным крестным ходом перенесли в храм, и в память об этом событии крестный ход 28 июля стал для обители ежегодным.

Известно, что икона пребывала в московском Благовещенском соборе на князем дворе «на деснѣи странѣ от святыхъ дверей царскихъ» [ПСРЛ. Т. 25. С. 273].

Предание связывает ее появление на Руси с византийской принцессой Анной, вышедшей замуж за Всеволода Ярославича. Затем Владимир Мономах привез икону в Смоленск. Однако это нужно отнести лишь к области догадок, ибо ранние источники подобных сведений не содержат.

Приход древней иконы в Смоленск вместе с Владимиром Мономахом возможен, но не менее вероятно (если исходить из древнего происхождения образа), что икона появилась в городе в период основания Смоленской епархии и поставления епископом грека Мануила. Известно, что в 1136 г. «поставленъ бы скопечъ Маноуило еп(и)с(ко)помъ Смоленскоу пѣвчъ гораздыи, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ. самъ третии. къ бл(а)голюбивому кн(я)зю Мъстиславоу, предъ симъ бо бѣ не былъ еп(и)с(ко)пъ Смоленскѣ» [ПСРЛ. Т. 2. Стб. 300].

ил.1 Божия Матерь
Смоленская. Икона
Москва, 1480-е. ГТГ

Не менее проблематичен и другой легендарный сюжет — упоминание иконы в Житии мч. Меркурия Смоленского. Икона предрекает Меркурию подвиг: победу над осадившими Смоленск монгольскими войсками и гибель. В раннем варианте предания (Слове о Меркурии Смоленском) говорится, что икона находилась в пригородном Печерском монастыре, а не в главном смоленском соборе, что не стыкуется с ее помощью при осаде города. Более того, известно, что Батый к Смоленску не подходил. Все это говорит о позднем и сугубо мифологическом происхождении сюжета. Как показано А.А. Туриловым, с иконографической точки зрения в легенде о Меркурии речь идет об ином образе — Тронной Божией Матери [Турилов, 2014].

О том, что икона в какой-то момент оказалась в Москве в Благовещенском соборе Кремля, информацию мы получаем из рассказа о ее возвращении по просьбе смольнян в Смоленск в 1456 г. Летописное повествование о возвращении святыни весьма подробно, что для такого рода сюжета является редкостью. В январе к великому князю пришел владыка смоленский Мисаило «со многими мѣстичи Смоленскими» бить челом о возвращении иконы

ил.2 Божия Матерь
Смоленская
Надвратная икона
Смоленск, конец
XVI — начало XVII в.

Пресвятой Богородицы, «**ея же плѣномъ взять Юрга**»¹. Князь великий по совету с митрополитом, святителями и боярами решил удовлетворить просьбу смоленской делегации. Был устроен праздник, начавшийся с молебна у иконы, затем к иконе подошли великий князь, его княгиня и сыновья (все они перечислены по именам, сообщается, что «**Андрѣи меншеи**» был принесен на руках). Икону вручили епископу Мисаилу, «**еще же и иные многы иконы, опрочъ того, менши тои**»², «**того же плѣна**» [ПСРЛ. Т. 25. С. 273–274], о коих

- 1 Есть известие Тверского сборника, относящее привоз иконы Юргой в Москву к тому же 1456 г.: «Пречистою Смоленскую привез на Москву Юрдга» [ПСРЛ. Т. 15. Стб. 495].
- 2 Указание на то, что иные иконы были меньше чудотворной Смоленской, не подтверждает предположение Н. А. Маясовой (которое было поддержано Л. А. Щенниковой) о том, что икона была пятничной (т. е. очень скромных размеров) [Маясова, 1980. С. 66–67; Щенникова, 1997]. Э. К. Гусева, подробно разобрав различные варианты сохранившихся (или имеющих подробное описание) икон в качестве отождествления с оригиналом, назвала несколько образов, гораздо большего размера [Гусева, 1998]. Так или иначе, вопрос о том, какова была Смоленская икона, сохранилась ли, сохранилась ли ее копия, сделанная для Москвы, остается нерешенным.

и не просили. Одну из этих икон митрополит попросил смоленского владыку оставить «**на благословение и на воспоминание сего дне**» великокняжеской семье. 18 января процессия с иконами — уходящей в Смоленск и с остающейся в Москве — прошествовала до церкви Благовещения на Дорогомилове. Затем москвичи вернулись обратно, и дарованная икона была установлена в великокняжеской церкви Благовещения на месте, где ранее пребывал Смоленский образ. При этом было отдано распоряжение писать список с ушедшей иконы (с нее была снята мера и «**образ запечатлен**»), дабы поставить ее на место оригинала. Этот путь стал знаковым при выборе места построения в будущем Новодевичьей обители.

Как икона могла попасть в Москву и почему говорится о ее пленении неким Юргой?

В качестве Юрги в истории изучения проблемы рассматривались различные кандидатуры: князя Юрий Дмитриевич, Юрий Святославич, Юрий Лугвеневиич. Но все эти кандидатуры должны быть оставлены, поскольку князья, причем весьма родовитые, не могли летописцами именоваться «Юргой». Они упоминаются, в частности, в Летописи Ольшевского, написанной латиницей, с именем *Iurgy*, но обязательно или с отчеством, или с титулом *xiqdz* (ксендз), или и с тем и с другим. В Орденских документах Юрий Лугвеневиич также обязательно титулуется (как герцог).

Однако то, что вышеуказанные князья не могут идентифицироваться с Юргой, не означает, что их роль в «пленении» Смоленской иконы не может быть привлечена к рассмотрению. В первую очередь, в этом отношении внимания заслуживает Юрий Дмитриевич Звенигородский. Именно в его завещании 1432 г. упоминается образ: «**А бл(а)гословляю с(ы)на своего Василья икона Пр(е)ч(и)стая Б(огороди)ца окована золотом, Смоленская**»³.

Юрий Дмитриевич, третий сын Дмитрия Донского, был ценителем искусств и покровительствовал церковному строительству. На его средства строились собор в Звенигороде — Успения Богородицы, каменный Троицкий собор в Сергиевом монастыре, в Саввино-Сторожевском монастыре — белокаменный Рождественский собор, этому монастырю князь придал села и деревни. Считается вероятным, что роспись храмов осуществляла художественная артель, возглавляемая Даниилом Чёрным и Андреем Рублёвым. В этом контексте неудивительно, что он дорожил оказавшейся у него известной иконой и передал ее в завещании старшему сыну. Еще два образа передавались другим сыновьям. Икона Спаса — Дмитрию (старшему): «**А бл(а)гословляю с(ы)на своего Дмитрея икона Сп(а)съ окована, что мя ею бл(а)гословила княгини Марья Данилова**»⁴. Некая иная Богородичная — Дмитрию Меньшому: «**А бл(а)гословляю с(ы)на своего Дмитрея меншего икона Пр(е)ч(и)стая золотом окована, что мя бл(а)гословила м(а)ти моя, княгини великая**».

3 РГАДА. Ф. 135 (Древлехранилище). Отд. I. Рубр. I. № 17.

4 По-видимому, жена Даниила Пронского.

Как можно видеть, только о Смоленской иконе не сказано, как она попала к Юрию.

Теоретически к Юрию Дмитриевичу икона могла попасть через тестя — Юрия Святославича Смоленского, однако таких свидетельств — ни прямых, ни косвенных — не имеется. Мог ли Юрий Святославич забрать икону в 1404 г., когда был вынужден покинуть Смоленск⁵? Здесь важно вспомнить, что в рассказе о возвращении иконы смольнянам говорится о многих иных смоленских иконах, которые были меньше иконы Божией Матери. Трудно себе представить, что он приехал со многими смоленскими иконами к Василию Дмитриевичу, если пытался получить помощь для освобождения Смоленска. Белорусско-литовские летописи сообщают подробности: Юрий выехал из города «не во мнозе и з бояры, а княгиню свою с бояри остави во Смоленьску и приказа имь ждати себе на перъвыи рок и на други, и на третии, а самъ приеха на Москву, и биль челомъ князю великому Василию Дмитровичъ служити, дадутися ему самъ со всимъ своимъ княжениемъ» [ПСРЛ. Т. 35. С. 59]. Таким образом, смоленский князь оставил в городе жену и бояр⁶, просил ждать его возвращения. Едва ли в таком случае он мог увезти с собой ценные для города иконы.

Мысль о том, что увезшим из Смоленска икону князем мог быть Юрий Лугвеневи́ч, высказал А. А. Зимин. Она получила обоснование А. А. Турилова, была поддержана Л. А. Щенниковой [Зимин, 1991. С. 172–173; Турилов, 2014. С. 508–515; Щенникова, 1997. С. 49–54]. Однако, как уже говорилось, князь, да еще столь высокого статуса по рождению, не мог именоваться Юргой. Его отец — Лугвень (Семён) Ольгердович, мать — дочь Дмитрия Донского. В Москву Юрий приезжал в конце 1440 г. (после смоленского восстания), но, видимо, лишь затем, чтобы получить наместничество в Новгороде.

В оценке событий 1440 г. не следует полагаться лишь на Новгородскую первую летопись (или, тем более, расцветившую эту версию Никоновскую). Согласно новгородскому рассказу, Юрий Лугвеневи́ч «възгордився, засяде Смоленско, и Полоческъ, и Витепъскъ, и бяше ему не полезно и людемъ на мятежь великъ и на брань. Тои же осени, убоявся, видя свою дерзость, еже не разумьемъ створи, избѣже на Москву» [НПЛ. С. 420]. Здесь Юрий Лугвеневи́ч предстает авантюристом, пытавшимся воспользоваться ситуацией. Однако, как отметил С. В. Полехов, белорусские летописи говорят о том, что восставшие смольняне (точнее «черные люди») требовали Юрия Лугвеневи́ча князем в Смоленск («черныя люди призваша к собѣ оспадаремъ князя Юря Лигвенивича» [ПСРЛ. Т. 35. С. 60]), желая «отложиться» от Литвы [Полехов, 2014. С. 186]. Он воспринимался и сам позиционировался как «русский князь» [Варонін, 2016. С. 21–22; ПСРЛ. Т. 35. С. 34, 57, 7], оставался православным. Будучи человеком набожным (тесно общавшимся с митрополитом Ионой,

5 Такая версия существует довольно давно: см.: [Новодевичий монастырь, 1857. С. 3–4].

6 Смоленские бояре упоминаются в источниках и позднее, видимо, они сохранили свой статус, интегрируясь в литовскую элиту и получая земли от Витовта [Полехов, 2014. С. 172–173].

попечительствующим Онуфриеву монастырю в Мстиславле)⁷, он не стал бы отдавать знаменитый образ, дабы получить наместничество. Позже, после 1446 г., он вернулся в Литву, получил свой Мстиславль и стал жить там безвыездно, о чем свидетельствуют сохранившиеся датированные акты. В частности, им были выданы одна грамота в 1452 г., две — в 1455 г., две — в 1456 г., одна грамота — в 1457 г. [Варонін, 2010. С. 52–60].

Для полноты можно назвать еще одного Юрия, который жил в это время, хотя в историографии в качестве Юрги не рассматривался. Это Юрий Патрикеевич. Он женат на сестре Василия Дмитриевича и занимал видное место в московской знати первой половины XV в. [Кучкин, 2006. С. 154–158], на что могло повлиять, в частности, и его (хотя и дальше) родство с супругой Василия I Софьей Витовтовной (они имели общего прадеда — Гедими́на). В 1433 г. Юрий Патрикееви́ч возглавил войско Василия Васильевича в столкновении с Василием Косым и Дмитрием Шемякой. Казалось бы, это приближает возможность получения иконы, принадлежащей тогда Юрию Дмитриевичу. Но именно в этом походе москвичи потерпели поражение на р. Куси под Костромой, а Юрий Патрикееви́ч был захвачен в плен [ПСРЛ. Т. 25. С. 251]. В 1437 г. он упомянут как получивший для великого князя с новгородцев черный бор [НПЛ. С. 419]. В 1439 г. князь Юрий обороняет Москву от Улуг-Мухамеда [ПСРЛ. Т. 25. С. 260]. Последнее прямое его упоминание — в докладной грамоте о соглашении относительно села Преображенское между Владимирским Рождественским и Суздальским Спасо-Евфимиевского монастырями. Доклад принимал Василий Васильевич, а боярин великого князя Юрий Патрикееви́ч на докладе присутствовал [АСЭИ. Т. 2. № 442. С. 484]. Грамота датируется 1444–1445 гг. По-видимому, умер Юрий Патрикееви́ч незадолго до 1457 г., которым датируется данная грамота его сына и внуков в Саввинский монастырь. Село Воишевское Патрикеевы отдают в монастырь «по приказу отца своего князя Юрья Патрикеевича» [АФЗХ. Ч. 1. № 30. С. 49]. Такая формулировка наиболее вероятно означает, что в момент составления грамоты самого Юрия уже не было в живых. Стало быть, в 1456 г. он, даже если и был жив, в силу преклонных лет не мог привозить икону в Москву. Да и едва ли кому-то могло прийти в голову называть первенствующего великокняжеского боярина и князя (он сохранил свой титул и везде пишется князем) Юргой.

Таким образом, имеет смысл вернуться к версии о принадлежности иконы Юрию Дмитриевичу. Каковы возможные пути получения им иконы? Эти пути очевидны.

Известно, что на Русь некие иконы Смоленска приехали с великой княгиней Софьей Витовтовной, женой великого князя Василия Дмитриевича,

7 Разумеется, приверженность князя православию не стоит преувеличивать. В 1447 г. он совершил паломничество к «святой крови Вильснака» в Бранденбурге (впрочем, он не был единственным православным паломником, приходившим к этой святыне), крестил детей католика Яна Гоштольда [ПСРЛ. Т. 32. С. 159]. Какие-то контакты были у него и с митрополитом Исидором. Такая конфессиональная общность была обычным делом в «русской части» Литвы [Воронин, 2014. С. 139–144].

которая посещала в Смоленске своего отца в 1398/1399 г. и вернулась с дарами: «**Многы иконы, обложенныя златом и серебром, еще же часть Святых страстей Спасовых, иже давно принесены были в Смоленскъ от Царя-города**» [ПСРЛ. Т. 25. С. 226]. А после смерти Василия Дмитриевича в 1425 г. между Василием II⁸ и Юрием Дмитриевичем была целая серия вооруженных конфликтов с пограблением казны московского князя и его матери, захватом Софьи в плен, причем о требовании возврата награбленного есть текст в договоре между князьями 1432 г.: «**А что ся оучинило в нашем розмирьи, что поимана твоя казна, великого кн(я)зя, и твоеѣ матери, великиѣ княгини, или поклажаи ваши, или боярь твоих поклажей... или что будет меня того дошло, и мнѣ то отъдати по сему целованью**»⁹. Но это не значит, что пограбленное было действительно отдано. Договор тут же начал нарушаться.

Заняв в 1434 г. Москву, Юрий Дмитриевич, по свидетельству летописей, «**пограби казною князя Василья**» [Псковские летописи. Вып. 2. С. 44], «**и княгинь великихъ поймавъ, посла в Звенигородъ**» [ПСРЛ. Т. 18. С. 174.]¹⁰. Юрий вскоре умер, и его сын Василий, «**побрав злато и серебро, казну отца своего**» [Псковские летописи. Вып. 2. С. 45], уехал в Новгород. В договоре 1436 г. Дмитрия Шемяки с Василием Васильевичем читается: «**Или что, г(о)с(поди)не, буду взял съ своимъ о(т)ц(е)мъ въ другой приход оу тебе, оу великого кн(я)зя, и оу твоее м(а)т(е)ри, оу великиѣ княгини, и оу твоих кн(я)зеи, и оу боярь, и оу дѣтеи боярьских, или что будеть недругъ твои, кн(я)зь Василеи Юриевич, поимал твою казну, великого кн(я)зя, и твоее м(а)т(е)ри, великиѣ княгини... во всеи твоеи отчинѣ, в великомъ кн(я)ж(е)нни, или что, г(о)с(поди)не, его казны отколѣ ко мнѣ приидет, и отколѣ чего достану, и мнѣ то, г(о)с(поди)не, тобѣ, великому кн(я)зю, отдати все, по докончанію и по кр(е)стному цѣлованію**»¹¹. Ясно, таким образом, что захваченные у великого князя и его родственников ценности оказались у сыновей Юрия — Дмитрия и Василия. Последний назван в договоре 1436 г. недругом Василия Васильевича. И снова нет данных о том, что эта декларация исполнялась.

Еще один случай разграбления ценностей великокняжеской семьи фиксируется под 1446 г. Перед пленением и ослеплением Василия Васильевича

8 Семейные легенды Головиных уверенно называют их родоначальника Ивана Владимировича крестником Василия Васильевича, а также упоминают некую икону Смоленской Божией Матери, которой великий князь благословлял Ивана (по-видимому, при его женитьбе на Анне Даниловне Холмской). Эта икона фигурирует и в завещании Василия Петровича Головина (1675–1733) [Казанский, 1847. С. 16–18, 107]. Не стоит думать, разумеется, что столь ценная икона могла быть передана пусть даже и весьма близкому к великокняжеской семье боярскому роду, но она могла быть списком с привезенного из Смоленска образа.

9 Противень со стороны Юрия Дмитриевича (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 18а).

10 См. также Тверской сборник: «**А князь великий Василеи побѣжалъ, а княгини великая Софѣя затворишась въ градъ Москвѣ. Князь Юрии пришедеъ, Москву градъ взялъ, а княгиню Софию поималъ**» [ПСРЛ. Т. 15. Стб. 490].

11 РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 21а.

Дмитрий Шемяка в Москве захватил великих княгинь Софью и Марию «и казну великого князя и матери его разграбиша» [ПСРЛ. Т. 25. С. 264].

В духовной грамоте самой Софьи Витовтовны (2 ноября 1451 г.)¹² перечисляются «святости», которые она завещала сыну и внукам. Ивану (будущему Ивану III) была передана икона Пречистой Богородицы с пеленой. Икону Феодора Стратилата «**выбиту на серебре**» она оставила внуку Борису, Космы и Дамиана — Андрею. Любимому внуку Юрию она предназначала «**с(вя)тую икону Преч(и)стую Б(огороди)цю, болшую икону стѣнную съ пеленою и съ оубрусцы**». Юрию же завещались и остальные «святости» — кресты, иконы и мощи. Они хранились в большом дубовом и «меншем» ларчиках, в большом ящике и в «коробье». Снохе — великой княгине Марии — Софья оставила «**с(вя)тую икону оковану на мусіи**»¹³. Ни одна из икон не названа смоленской, что само по себе не исключает, что одна из них могла ею быть. Среди завещаемого сыну Василию указан также «ящик съ мощми» и крест «вздвизальный», которые, как написано в духовной, она получила от отца. Важно, что в этом месте завещания, есть значительная утрата: «**От с(вя)тости ящик съ мощми, а в нем кр(е)сть възъ|... [Ви]товтъ**». Утраченный фрагмент мог включать и упоминание иконы/икон. Так или иначе, определить точно, были ли Смоленский образ Божией Матери Одигитрия возвращен Софье к моменту написания ею завещания, невозможно.

Загадочного Юргу в научной и научно-популярной литературе называли московским воеводой, что на самом деле маловероятно, поскольку со времен захвата Смоленска Литвой московские воеводы к Смоленску не ходили.

Существует единственное более пространное сообщение о Юрге, но содержит его источник весьма и весьма спорный — так называемый «Русский времянник», который впервые был издан еще в конце XVIII в., но неизвестно, по какой рукописи или рукописям и какова степень вмешательства в текст издателя [Насонов, 1969. С. 418–476]. В «Русском времяннике» читается: «**Южь плѣномъ взялъ Юрга Панъ Свиколдовичъ, какъ отъехалъ отъ великаго князя Литовскаго Швитригайла къ великому князю Василью Васильевичу; а ѣдучи, онъ пограбилъ градъ Смоленскъ, и ту святую икону взялъ, и привезъ къ великому князю на Москву. И инья многи чудные иконы украшены чудно**» [Русский времянник. Ч. 2. С. 27–28].

Статус этого летописного памятника на сегодняшний день остается неопределенным. А.Н.Насонов отметил связь его текста с Хронографами начала XVII в. Вместе с тем он обнаружил, что известные на сегодня, как предполагается, списки опубликованного «Русского времянника» не совпадают во многих местах с публикацией, из которой издатели, видимо, по собственному усмотрению изымали информацию (например, о византийских и южнославянских событиях). Таким образом, порядок формирования текста, представленного в издании, нам неизвестен. А.Н.Насонов отметил три рукописи, в которых

12 О датировке см.: [Конявская, 2019. С. 18–19].

13 РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 20.

читается сходный, но не тождественный изданному «Русскому времяннику» летописный свод. Наиболее ранний вариант их общего текста содержится в так называемой Румянцевской летописи, и вышеприведенные дополнительные данные о Юрге в ней отсутствуют. Там читается текст, обычный для летописей, содержащих рассказ о возвращении иконы, где есть только имя — «Юрга»¹⁴. Проверять достоверность указаний старого издания, нужно иметь в виду, что к моменту передачи иконы смольнянам Свидригайла уже четыре года как не было в живых. При этом достоверно известно, что в 1432 г. икона находилась у Юрия Дмитриевича, стало быть пан Юрга должен был уехать от Свидригайла раньше — в самый пик его карьеры, предпочтя ему едва вступающего в совершеннолетие московского князя, боровшегося со своим дядей за великокняжеский стол.

Разумеется, Юрга мог быть воеводой Юрия Дмитриевича, имея литовское происхождение (что выдает его имя). И добывать он икону мог не из Смоленска, а участвуя в разграблении великокняжеской казны в ходе вооруженных конфликтов с Василием Васильевичем. Но такое предположение уже не укладывается в приведенный текст «Времянника».

Таким образом, наиболее логичным и непротиворечивым представляется предположение о том, что Смоленская икона Божией Матери вместе с другими «святостями» была получена от отца Софьей Витовтовной. Единственное прямое указание на Смоленскую Божию Матерь есть в завещании Юрия Дмитриевича. Нельзя исключать, что она могла быть вполне мирно подарена брату Василием Дмитриевичем, либо уже немирно получена в ходе многочисленных военных конфликтов Василия Васильевича с Юрием Дмитриевичем, а затем с его детьми.

17 июля 1453 г. в Новгороде умер Дмитрий Юрьевич Шемяка. Удерживаемые им ценности великого князя и его семьи должны были быть возвращены в Москву. А незадолго до этого — 15 июня — умерла великая княгиня Софья Витовтовна, получившая в свое время святыню законно. Думается, именно это событие повлияло на решение смольнян просить в 1456 г. великого князя о возвращении иконы.

14 См.: ОР РГБ. Ф. 256 (Рум.). № 255. Л. 349 об.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 729 с.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1964. 687 с.
- Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 400 с.

- Варонін В. А. Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі. Гістарычны партрэт. Мінск: Тэхнологія, 2010. 63 с.
- Воронин В. А. К проблеме взаимоотношений православных и католиков в Великом княжестве Литовском в конце XIV — середине XVI в. // Исторический вестник. Т. 7 [154]. 2014. С. 136–159.
- Гусева Э. К. Московские и смоленские иконы «Богоматери Одигитрии» и сложение общерусской иконографии «Одигитрии Смоленской» в XV — начале XVI века // Русская художественная культура XV–XVI веков: Сб. ст. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 1998. С. 92–117.
- Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 288 с.
- Казанский П. С. Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М.: Тип. С. Селивановского, 1847. 231 с.
- Конявская Е. Л. Завещание великой княгини Софьи Витовтовны: утраты текста и датировка // Труды Института российской истории РАН. Вып. 15. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 11–20.
- Кучкин В. А. Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев // Отечественная история. 2006. № 1. С. 154–168.
- Маясова Н. А. Памятник шитья московской великокняжеской светлицы XV века // Искусство Москвы периода формирования Русского централизованного государства (Гос. Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. III). М.: Искусство, 1980. С. 56–75.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в.: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 556 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. // Исторический вестник. Т. 7 [154]. 2014. С. 160–197.
- Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 638.
- Полное собрание русских летописей. Т. 15. СПб.: Тип. Л. Демиса, 1863. 540 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 18. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. 321 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 32. М.: Наука, 1975. 235 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 35. М.: Наука, 1980. 306 с.
- Псковские летописи / Подг. А. Н. Насонов. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 363 с.
- Рогозина М. Г., Сергеев С. В. Альбом замечательных видов и древностей новгородских // Памятники культуры. Новые открытия. 2000 / Сост. Т. Б. Князевская. М.: Наука, 2001. С. 473–500.
- Русский времянник. М.: Московская синодальная тип., 1820. Ч. 2. 406 с.
- Снегирёв И. М. Новодевичий монастырь в Москве. М.: Тип. Ведомства Московской городской полиции, 1857. 78 с.
- Турилов А. А. Еще раз к вопросу о происхождении Торопецкой (Корсунской) иконы Богоматери: гипотеза историка // В созвездии Льва. Сб. ст. по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. М.: БуксМАрт, 2014. С. 508–515.
- Щенникова Л. А. Смоленские иконы Благовещенского собора Московского кремля и их списки XV века // История и культура Ростовской земли. Материалы конф. 1996. Ростов: Рыбинское подворье, 1997. С. 49–54.
- Церковь Св. Георгия в Старой Ладог. История, архитектура, фрески. Моногр. исслед. памятника XII в. / Ред. В. Д. Сарабьянов, С. В. Лалазаров, Б. Г. Васильев, Т. В. Рождественская; Научно-исследовательский ин-т теории и истории изобразительного искусств Российской академии художеств, Старолadoжский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 442 с.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

К истории Смоленской иконы Божией Матери

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коняевская Елена Леонидовна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, Российская Федерация, 117292, ekonyavskaya@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории Смоленской иконы Божией Матери, в первую очередь возвращения ее в Смоленск в 1456 г. Рассмотрены различные версии «пленения» иконы. На основании анализа разнообразных источников делается вывод, что наиболее вероятным является приход иконы в Москву вместе с другими дарами Витовта Софье Витовтовне. В ходе многочисленных военных конфликтов Василия Васильевича с Юрием Дмитриевичем Звенигородским, а затем с его детьми, икона оказалась у Юрия и его наследников, а затем вернулась во владение московского княжеского дома.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Смоленская икона Божией Матери Одигитрия, Софья Витовтовна, Юрий Дмитриевич Звенигородский, Москва, Благовещенский собор, династическая война в России XV в.

TITLE

On the History of the Smolensk Icon of the Mother of God

AUTHOR

Konyavskaya, Elena Leonidovna — Full Doctor, Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulianov St., 19, 117292 Moscow, Russian Federation. ekonyavskaya@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the history of the Smolensk Icon of the Mother of God, its return to Smolensk in 1456. Various versions of the «captivity» of the icon are considered. Based on the analysis of various sources, the conclusion is made that the most likely is the arrival of the icon in Moscow together with other gifts of Vytautas to Sophia Vitovtovna. During the numerous military conflicts of Vasily Vasilyevich with Yuri Dmitrievich Zvenigorodsky, and then with his children, the icon was in the possession of Yuri and his heirs and then returned to the possession of the Moscow princely house.

KEYWORDS

Smolensk Icon of the Mother of God Hodegetria, Sofia Vitovtovna, Yuri Dmitrievich Zvenigorodsky, Moscow, Annunciation Cathedral, the dynastic war in Russia of the 15th century

REFERENCES

- Guseva E.K. Moscow and Smolensk Icons of “The Mother of God Hodegetria” and the Formation of the All-Russian Iconography of “Hodegetria of Smolensk” in the 15th — Early 16th Centuries. *Russkaia khudozhestvennaia kul'tura XV–XVI vekov (Russian Artistic Culture of the 15th–16th Centuries: Collection of Articles)*. Moscow: Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik “Moskovskij Kreml'” Publ., 1999, pp.92–117 (in Russian).
- Cherepnin L.V. (ed.). *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-vostochnoj Rusi kontsa XIV — nachala XVI v. (Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Russia of the late 14th — early 16th Century)*, vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1958. 727 p. (in Russian).
- Cherepnin L.V. (ed.). *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-vostochnoj Rusi kontsa XIV — nachala XVI v. (Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Russia of the late 14th — early 16th Century)*, vol. 3. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1964. 687 p. (in Russian).
- Cherepnin L.V. (ed.). *Akty feodal'nogo zemlevladieniia i khoziajstva (Acts of Feudal Land Ownership and Economy of the 14th–16th Centuries)*, part 1. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1951–1961. 400 p. (in Russian).
- Kazanskiy P.S. *Rodoslovnaia Golovinykh, vladel'tsev sela Novospasskogo (Genealogy of the Golovin Family, owners of the Village of Novospasskoye)*. Moscow, Tipografiia S. Selivanovskogo Publ., 1847. 231 p. (in Russian).
- Konyavskaya E.L. The Testament of Grand Duchess Sophia Vitovtovna: Lost Text and Dating. *Trudy Instituta Rossijskoj istorii (Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences)*, iss. 15. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 11–20 (in Russian).
- Kuchkin V.A. Great Moscow Governor Ivan Yurievich Patrikeev. *Oteshchestvennaia istoriia (National history)*, 2005, no. 1, pp. 154–168 (in Russian).
- Mayasova N.A. Monument of sewing of the Moscow Grand Ducal Svetlitsa of the 15th Century. *Iskusstvo Moskvy perioda formirovaniia Russkogo tsentrolizovannogo gosudarstva (Gosudarstvennyj Muzej Moskovskogo Kremliia: Materialy i issledovaniia. III) Moscow Art during the Formation of the Russian Centralized State (State Museum of the Moscow Kremlin: Materials and Research. III)*. Moscow, Iskusstvo Publ, 1980, pp. 56–75 (in Russian).
- Nasonov A.N. (ed.). *Novgorodskaia pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov (Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions)*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1950. 642 p. (in Russian).
- Nasonov A.N. (ed.). *Pskovskie letopisi (The Pskov Chronicles)*, iss. 2. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1955. 363 p. (in Russian).
- Nasonov A.N. *Istoriia russkogo letopisaniia XI — nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniia (The History of the Russian Chronicles of the 11th — early 18th Centuries. Essays and Research)*. Moscow, Nauka Publ., 1969. 554 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisej (Complete Collection of Russian Chronicles)*, vol. 2. Saint Petersburg, Tipografiia M.A. Aleksandrova Publ., 1908. 540 p. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisej (Complete Collection of Russian Chronicles)*, vol. 15. Saint Petersburg, Tip. Leonida Demisa Publ., 1863 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisej (Complete Collection of Russian Chronicles)*, vol. 18. Saint Petersburg, Tipografiia M.A. Aleksandrova Publ., 1913 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisej (Complete Collection of Russian Chronicles)*, vol. 25. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1949. 464 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisej (Complete Collection of Russian Chronicles)*, vol. 32. Moscow, Nauka Publ., 1975. 235 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisej (Complete Collection of Russian Chronicles)*, vol. 35. Moscow, Nauka Publ., 1980. 306 p. (in Russian).

- Russkij vremennik (Russian Chronicles)*, part 2. Moscow, Moskovskaia sinodal'naia tipografia. Publ., 1820. 406 p. (in Russian).
- Snegirev I.M. *Novodevichij monastyr' v Moskve (Novodevichy Convent in Moscow)*. Moscow, Tipografia Vedomosti Moskovskoj gorodskoj policii Publ., 1857. 78 p. (in Russian).
- Turilov A.A. Once Again on the Question of the Origin of the Toropets (Korsun) Icon of the Mother of God: A Historian's Hypothesis. *V sozvezdii L'va. Sbornik statej po drevnerusskomu iskusstvu v chest' L'va Isaakovicha Lifshica (In the constellation Leo: A collection of articles on ancient Russian art in honor of Lev Isaakovich Lifshits)*. Moscow, BuksMArt Publ., 2014, pp. 508–515 (in Russian).
- Shchennikova L.A. Smolensk Icons in the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin and its Copies of 15th Century. *Istoriia i kul'tura Rostovskoj zemli. Materialy konferencii 1996 goda (The history and culture of Rostov land. Proceedings of the conference held in 1996)*. Rostov, Rybinskoe podvor'e Publ., 1997, pp. 49–54 (in Russian).
- Varonin V.A. *Kniaz' Iuraj Lyngvenevich Mscislavski. Gistarychny partrjet (Prince Yura Lingvenevich Mstichlavski: Historical Portrait)*. Minsk, Tjehnologija Publ., 2010. 63 p. (in Belarusian).
- Voronin V.A. On the Problem of Relationship between Orthodox and the Catholics the Grand Duchy Lithuania at the End of the 14th to the Middle 16th centuries). *Istoricheskij vestnik (Historical Bulletin)*, vol. 7 [154], 2014, pp. 136–159 (in Russian).
- Zimin A.A. *Vitiaz' na rasput'ye: Feodal'naia vojna v Rossii XV v. (The Knight at the crossroads. Feudal war in Russia 15th century)*. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 288 p. (in Russian).

Л. М. Воронцова

О драгоценном уборе иконы «Богоматерь Одигитрия» из ризницы Троице-Сергиева монастыря

© 2025

УДК 739:27-526.62(470.311)
ББК 85.126(2)
В75

Поступила в редакцию 14.10.2025

Икона в драгоценном окладе «Богоматерь Одигитрия» [ил. 1–2], происходящая из ризницы Троице-Сергиева монастыря¹, малоизучена. Упоминания о ней как московской иконе первой трети XVI в. встречаются в публикациях по русской иконописи [Олсуфьев, 1920. С. 94–95. № 33/8; Николаева, 1977. С. 96. № 133; Новосельская, 1990. С. 60. № 1; Le icon di Zagorsk, 1989. P. 44–45. № 9 (без оклада)], при этом обстоятельной работы не имеется. К тому же икона привлекает внимание специалистов только как памятник древнерусской живописи, хотя ее неотъемлемой частью в течение столетий являлся драгоценный оклад. Согласно монастырским описям, икона была богато украшена чеканным серебром, золотыми венцами, цатами, ожерельями, серьгами, жемчужными рясами, подвесной пеленой и находилась в расписном, обитом золоченым серебром киоте. Ю.А. Олсуфьев отмечал, что до поступления в музей в 1920 г. «икона подвергалась неудачной реставрации» [Олсуфьев, 1920. С. 94. № 33/8]. В 1979–1980 гг. живопись раскрыта реставратором М.В. Романовой в ВХНРЦ, при этом оклад был демонтирован.

В настоящее время металлические и шитые части драгоценного убора находятся в музее и хранятся отдельно от иконы, представляя своеобразный комплекс [ил. 3–7]. Статья посвящена исследованию состава и происхождения частей убора, определению его научной и исторической значимости.

Убранство иконы ныне состоит из венцов, цат, убруса, ожерелий, средника, полей, рамы и трех накладных пластин с надписями. Золотые венцы с жемчужной обнизью украшены чеканными штамбовыми орнаментами в виде

¹ СПМЗ. Инв. 4937 ихо. Размер 30,0 × 23,5 × 2,5 см.